

добродетели, предполагают, что в конце ожидает их удовольствие и счастье.

Удовольствием они называют всякое движение и состояние тела и души, пребывая в которых под водительством природы, человек наслаждается. Они не случайно добавляют о природной склонности. Ибо по природе принято все, к чему устремляется человек без посредства несправедливости, из-за чего не утрачивается иное, более приятное, то, за чем не следует страдание, чего домогается не только чувство, но и здравый смысл. Существует удовольствие наперекор природе; смертные в суетном единодушии своем воображают, что эти удовольствия сладостны (будто сами люди способны изменять предметы, равно как и их названия); утопийцы полагают, что все это нисколько не ведет к счастью и чаще всего даже препятствует ему. Оттого что, в ком эти удовольствия однажды укоренились, у того не остается никакого места для истинной и подлинной радости, а душа его целиком занята ложным пониманием удовольствия. Ведь существует очень много такого, что по собственной своей природе не содержит ничего сладостного, и, напротив, в значительной части чего есть много горечи, однако нечестивые желания соблазняют считать это не только наивысшим удовольствием, но даже числить среди наипервейших достоинств жизни.

Этот род подложных удовольствий испытывают, по мнению утопийцев, те, о ком я упомянул прежде: люди, которым кажется, что, чем лучше на них платье, тем лучше они сами. В этом одном они допускают две ошибки. Ибо не менее заблуждаются они, полагая, что их платье лучше, чем они сами. Если думать о полезности одежды, то почему шерсть из более тонкой пряжи превосходит более толстую? Однако же люди так вскидывают хохолок, будто они правы по природе, а не заблуждаются, и уверены, что их собственная цена от этого становится выше. Оттого они – словно более нарядное платье дает им правоту домогаются почета, на который, одетые хуже, они не дерзнули бы и надеяться; если же на них не обращают внимания, они негодуют.

И еще: не указывает ли на ту же глупость стремление к пустым и никчемным почестям? Ибо какое естественное и подлинное удовольствие доставит тебе кто-либо, если он обнажит голову или преклонит колени? Разве это излечит боль в твоих коленях? Или избавит твою голову от безумия? Понимая так поддельное удовольствие, на удивление сладостно сумасбродствуют те, кто похвально и кичится сознанием своей знатности, оттого что выпало им на долю родиться от предков, длинный ряд которых считался богатым, особенно землей (ведь только в этом ныне и заключается знатность); и не кажется им, что они хоть на волос станут менее знатными, даже если предки ничего им не оставят или сами они растратят оставленное.

Сюда же утопийцы причисляют тех, которых, как я сказал, пленяют драгоценности и камушки, которым кажется, что они чуть ли не боги, если получают они какой-нибудь отменный камень, особенно такого рода, который в это время в этой стране больше всего стоит, ибо ведь не у всех и не во всякое время ценят одно и то же. Но они покупают его только вынутым из золота, без оправы, и не раньше, чем продавец поклянется и заверит, что жемчуг и камень настоящие: так они тревожатся, чтобы не обманули их зрение поддельными вместо настоящих. Но почему тебе будет меньше радости от поддельного камня, чем от настоящего, если твой глаз их не различает? Честное слово, оба они должны быть тебе так же дороги, как и слепцу.

И те, которые хранят излишние богатства, нисколько не пользуясь всей грудой, но только наслаждаясь созерцанием ее, – получают они настоящее удовольствие или скорее тешат себя ложным удовольствием? Или же те, кто, страдая противоположным пороком, прячет золото, которым никогда не воспользуется и которое, возможно, никогда более не увидит? Боясь, как бы не потерять, они его теряют. Ибо разве это не так, если, лишив себя, а может быть, и всех смертных пользования золотом, ты предаешь его земле? Однако, зарыв сокровище, ты, успокоившись, ликуешь от радости. Если же кто-нибудь украдет его, и ты, не зная о краже, через десять лет умрешь, то все это десятилетие, которое ты прожил после того, как деньги утащили, какое тебе было дело до того, своровали их или же они целы?

К этим столь нелепым утехам утопийцы добавляют игру в кости (об этом безумстве они знают по слуху, а не из опыта), кроме того, охоту и птицеловство. Они спрашивают, в чем заключается удовольствие бросать кости на доску. Ты делал это столько раз, что если и было в этом какое-нибудь удовольствие, то от частого повторения мог бы насытиться. Или какая может быть сладость в слушании того, как лают и воют собаки? Скорее уж отвращение. Или чувство удовольствия больше, когда собака гонится за зайцем, чем когда собака – за собакой? Ведь в обоих случаях происходит одно и то же – бегут, если радуется тебя бег.

Если притягивает тебя надежда на убийство, ожидание травли, которая произойдет на твоих